

Арабески

«Нѣтъ, не тотъ самый, или вѣрнѣе, «бѣдотъ, да уже не тотъ»!..

Грустно глядѣть на такія превращенія, даже когда новооткрытый мистеръ Хайдъ, въ сущности, никогда не былъ докторомъ Джиклешъ, а только выступалъ въ его роли какъ актеръ-любитель, при искусственной поддержкѣ и шумныхъ оваціяхъ заинтересованныхъ друзей!..

Да, грустно! Поговоримъ лучше о натуральныхъ господахъ и госпожахъ Хайдъ: они иногда презабавны, особенно, когда они очень малаго калибра. И какъ виртуозно подчасъ умѣютъ «сморозить»! Просто—талантливому человеку и въ голову не придутъ юмористическія выраженія, которыми серіозно и наивно можетъ произвести на свѣтъ «талантъ, но только съ другой стороны», являющийся вѣстѣсь съ тѣмъ зачастую каррикатурой пророка!

Читаю, напримѣръ, на дняхъ въ одной мѣстной газетѣ панегирикъ «маринадному обществу», по поводу постановки дѣйствительно-прекрасной пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня»: и въ самомъ дѣлѣ, лучше ставить серіозныя пьесы, нежели обычную пошлую и опешивающую дребедень, которою пробаваются обыкновенно здѣшніе актеры-любители. Но вотъ, авторъ рецензіи впадаетъ въ заключительный льстиво-лирическій трансъ и говорить: «Еще разъ большое спасибо «закулисамъ» заправиламъ артистическаго общества за постановку и тщательную постановку (что это, опечатка?) пьесы А. П. Чехова; большое спасибо режиссеру за художественную «планировку» *действующихъ лицъ*; большое спасибо любителямъ за вдумчивое, серіозное отношеніе къ дѣлу,—и большое спасибо суфлеру за то.... что его на этотъ разъ не было слышно».....

Мысль болѣе или менѣе ясна, если отнести къ этой тирадѣ «вдумчиво и серіозно». Но какой языкъ «суконный», и сколько невольна-двусмысленныхъ выраженій. За одно уже «спасибо закулисамъ заправиламъ» стоитъ поднести автору фунтъ конфетъ! А то, что «суфлера не было слышно»,—развѣ это не драгоценность въ городѣ, гдѣ

мало-по-малу становятся все вѣстнѣе суфлеры, и режиссеры, и даже закулисные заправилы нашей гривуазной общественной оперетки или трагикомедіи, которую г. Амфитеатровъ справедливо называетъ «застоявшимся болотомъ»?! Но что уже прямо пахнетъ драмою, или даже кровавою трагедіей,—такъ это «планировка лицъ»! Можно подумать, что авторъ говоритъ о происшествіяхъ въ банковскомъ ресторанѣ, или о приключеніяхъ какихъ-нибудь «духанныхъ интеграловъ», или вообще о какихъ-нибудь «зубоврачебныхъ происшествіяхъ» на замѣчательныхъ пунктахъ Головинскаго проспекта! Планировать лица!... Каково?... Вотъ наши норкагакцы, гг. Хачатуровъ и князь Тумановъ, желали-бы «планировать убійденіи», все прикрыть какою-нибудь «черною шалью»! Въ этомъ отношеніи они даже возлагаютъ особыя надежды на «соискъ писателей»: авось, молъ, удастся околпачить этихъ наивныхъ петербуржцевъ!..

Вообще, ужасно жестокіе люди! Нетерпимѣ Торквемады! Тьфу! Я увѣренъ, что нынче ночью мнѣ приснится князь Тумановъ! Онъ будетъ сидѣть на высокомъ средневѣковомъ стулѣ, въ костюмѣ великаго инквизитора, при рембрантовскомъ освѣщеніи; приведутъ меня къ нему въ кандалахъ и съ книгою «Норъ-Кагакъ», гвоздями прибитою къ груди. Прекрасно зная, въ чемъ дѣло,—онъ, тѣмъ не менѣе, въ силу средневѣковаго подъяческаго формализма, спроситъ на своемъ инквизиторскомъ нарѣчій:

— Инча хабаре?

Ему все почтительно объяснить и сперва покажутъ книгу. Свернувъ очами, онъ злобно промолвитъ кивкомъ зубы:

— Сжечь!

— Но.... переселенцы.....

— Сжечь!....

— А самого автора?—спроситъ какой-нибудь тамошній г. Ивановичъ.

— Сжечь!....

Воды, воды мнѣ!

Битва.